Самый сказочный герой

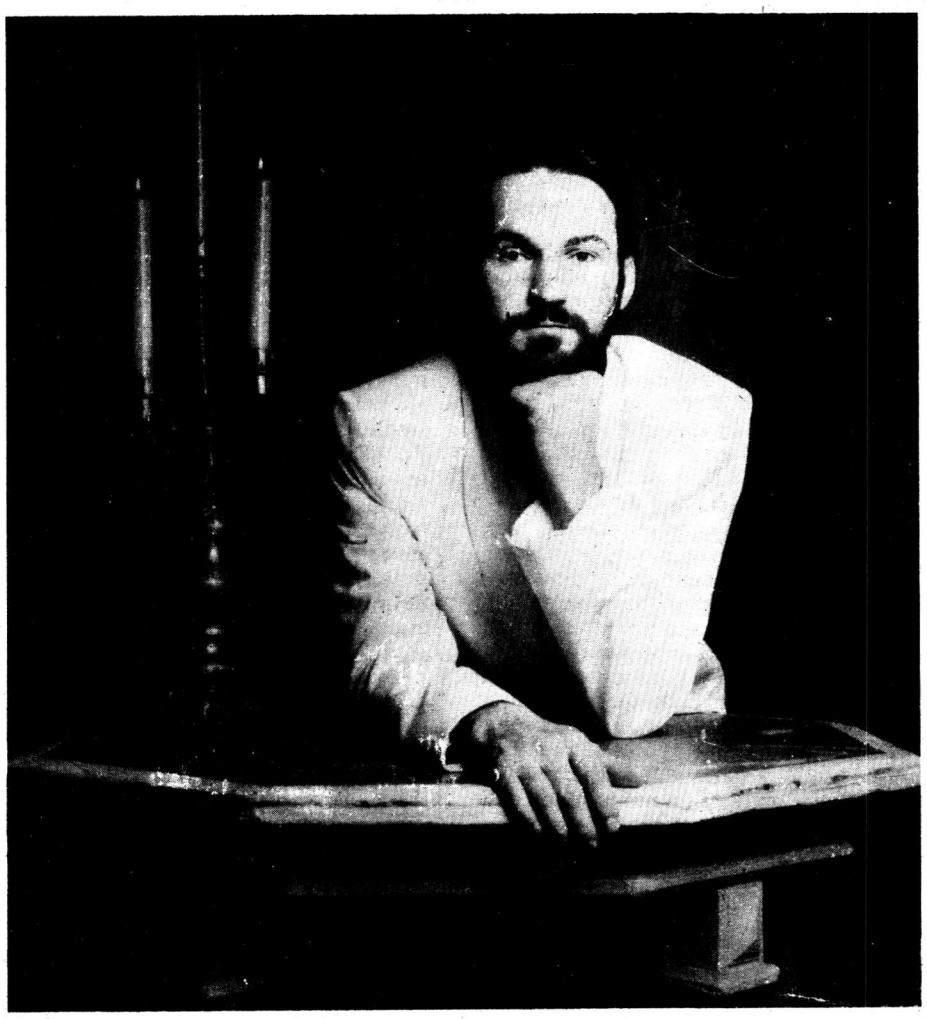

фото И. Пятинина

Из этого диалога вполне получился бы монолог. Знаете, как бывает в разговоре давно знакомых людей — переход от темы к теме совершается незаметно, сам по себе. Во всяком случае, мне показалось, что вопросов своему собеседнику я почти не задавала — о себе, о театре, о коловращениях судьбы он рассказывал без «подсказок»... Наверное, это особое свойство натуры — искренность и открытость. Впрочем, журналисты, вообще, считают актеров людьми общительными и собеседниками «удобными», не требующими придумывания замысловатых вопросов. Есть даже такая профессиональная поговорка: «Спроси актера, как его зовут, и он расскажет тебе автобиографию». С утверждением этим можно, конечно, поспорить. Но я, между прочим, до сих пор не представила очередного гостя рубрики. Владимир БОГДАНОВ — актер Магнитогорского драматического театра, сыгравший на его сцене немало главных и не главных ролей и завоевавший уже «своего» зрителя. Возраст тот, когда твое отчество вспоминают по преимуществу в приказах администрации и официальных бумагах. Во всяком случае, осенью 91-го, когда в кабинет главного режиссера вошел высокий элегантного вида молодой человек с чемоданом в руке, мне именно так и представили его:

— Знакомьтесь, наш новый актер — Володя Богданов.

А молодой человек, сняв шляпу, недоуменно оглядел присутствовавших и произнес:

— Со мной сейчас произошло что-то странное — я с трудом нашел театр. Спросил прохожих, как добраться, а они говорят: «Вам какой из театров нужен?» «Магнитогорский драматический,» — отвечаю. «Ну ясно, — говорят, — это, наверное, тот, что на левом берегу.» « Да нет, — вмешивается кто-то, — это, скорее всего, тот, который на правом...» Тут они начали спорить, каждый свое доказывает. А я решил действовать хитрее — остановил какого-то мальчишку и говорю ему: «Скажи, пожалуйста, где у вас тут рекламные щиты театра с фотографиями находятся?» Думаю, это уж точно рядом с театральным зданием должно быть. А он на меня мельком глянул и отвечает: «Да на прежнем месте...» И дальше побежал... Странно, у вас что, тут совсем театром не интересуются?..

— Вы помните эту историю, Володя?

— А-а, действительно, было такое со мной. Сейчас даже смешно вспоминать. А тогда я никак понять не мог — то ли в городе два театра, хотя мне говорили, что один; то ли этот один вдруг ни с того ни с сего раздвоился. Ну ничего, в театре на вахте во мне сразу нового актера признали...

— У вас был тогда очень «актерский вид»?

— Просто у меня есть такая слабость — я каждое лето дома отпускаю бороду. Родители категорически против. Я их уговариваю, что это же всего на месяц, потом все равно сбрею, потому что в театре и мальчишек, и стариков приходится играть — с бородой долго не проходишь. А в этом сезоне мне вдруг главный режиссер и директор сказали, чтобы я ее не сбривал — типаж, говорят, вполне подходящий для ролей. Так что я единственный, наверное, актер в нашем театре, которого «официально» оставили бородатым...

А вообще, у многих, несмотря даже на то, что всем известно о наших маленьких зарплатах, которых и хватает только на продукты — на какой-то минимум твоего существования, все равно впечатление, будто мы очень состоятельные люди.

— Но согласитесь, что любой актер сам стремится скрасить «обделенность» своего существования — показать, что живет лучше, чем есть на самом деле.

— Это попросту естественное стремление. Потому что уж если совсем-то плохо живешь, как к тебе будут относиться? Да, пыль в глаза пустить умеем...

— Вот что недоступно пониманию многих — как к этому «естественному стремлению» приходят. Я не о низкой зарплате. Я о самой профессии — актер. Стихи мы все в детстве гостям читали и любили аплодисменты сорвать. Но годам к шести у большинства это проходило...

— У нас в школе, однажды, классе в третьем или в четвертом, концерт какой-то должен был быть. Ну и, как обычно бывает — девчонки больше участия принимают, мальчишки зажимаются. А мы с другом Димой сочинили какие-то стишки, частушки, надели платочки. Никого не побоялись — пошли и все. Нам потом так аплодировали, что мы просто возгордились... Классе в пятом была какая-то сказка про Буратино. Потом я очень увлекся спортом и класса до девятого о театре не думал. А в девятом, не помню каким образом и почему, я пришел в наш северодвинский Театр юного творчества — что-то такое во мне, наверное, проснулось. Работали мы во дворце культуры и там часто встречались с актерами драмтеатра (строилось новое театральное здание, и репетиции и спектакли проходили во дворце). Я тогда для себя еще ничего окончательно не решил, но меня к этому тянуло. Северодвинский театр был почти полностью укомплектован выпускниками Ярославского театрального училища (с 80-го года оно стало институтом). Они нам много о нем рассказывали, и я поехал поступать туда. У меня, вообще, очень сложно получилось — я поступил с первого раза.

— ?

— Если честно, я ехал в Ярославль, чтобы «попробовать». На полный успех даже не рассчитывал, потому что знал, как поступают несколько лет подряд и ничего из этого не выходит.

В общем, я взял из отрывного календаря какой-то листочек с какими-то стихами и «Осенним этюдом» Сердюка (до сих пор помню). Слов в нем, скажем так, было ну очень мало. Песню я, по-моему, вообще не готовил — решил: если попросят, спою что-нибудь вроде «От улыбки станет всем светлей...» Ну вот, приехал, прочел все это комиссии. Мне говорят: «Что-то у вас много лирики — нам бы хотелось чего-нибудь более жесткого. «Стихи о советском паспорте» знаете? Ну, прочтите...» На втором туре я читал тот же «Осенний этюд» Сердюка про желтые листья, про прогулки по аллеям, про любовь... Мне сказали: «Извините, что-то мы такого писателя не знаем.» Я им ответил, что тоже открыл его для себя недавно... Короче говоря, после второго или третьего тура «знатоки» меня обнадежили, сказав: «Знаешь, скорее всего, тебя возьмут. Улыбка у тебя хорошая. Но тебе нужна песня — до завтра подготовь.» На следующий день я пришел и объявил, что моя самая любимая песня с детства — «От улыбки станет всем светлей»... И спел. Они все почему-то хохотали. А я, действительно, очень старался улыбаться — я улыбался вовсю. Раз уж мне сказали, что у меня хорошая улыбка, думал, значит я должен пройти. И меня взяли. Это была полная неожиданность.

— Как в сказке?

— А меня, между прочим, всегда сказки захватывали. До сих пор их очень люблю. В Мурманском театре Краснознаменного Северного флота, в который меня пригласили после театрального института, я был самым сказочным героем. Я переиграл всех русских богатырей и умельцев и до сих пор их играю. Всю жизнь считаюсь «вылитым Иваном». Вот если бы кто-нибудь, однажды, подошел бы и сказал: «Слушай, ну ты вылитый леший», я б, честное слово, наверное, его расцеловал. Мне уже хочется сыграть что-нибудь такое вредненькое, что-нибудь такое — ух!.. Но не дают.

— А Гога в «Хоттабыче»?

—Да, пожалуй, Гога был единственным таким довольно вредным, шаловливым мальчишкой. А остальное все — Иван да Иван. Хочется, хочется иногда другого чего-нибудь, разносторонних ролей...

У меня дипломной работой была роль Семена в спектакле по пьесе Червинского «Счастье мое». Этот главный герой — немного такой «тюха», рабочий парень, которого потом берут учиться в дипломаты, обучают светским манерам... Поначалу к роли я отнесся довольно равнодушно, а потом постепенно-постепенно вдруг почувствовал, что мне даже текст заучивать не надо — это мое... Так Семен и остался моей самой любимой из всех сыгранных пока ролей... Зал мы тогда «взяли». На нас ходили. Цветами даже забрасывали. Сейчас такого здесь, на профессиональной сцене, нет.

— Тогда и цветы стоили дешевле.

— Может, и поэтому. Да я и не обвиняю зрителей в том, что нет цветов. Здесь другое поражает — зрители после спектакля встают и аплодируют стоя. Московские критики во время фестиваля не могли понять, отчего это и почему. Не все ведь спектакли и актерские работы были удачными. А тут какой-то удивительный зритель!

— Это просто одна из немногих традиций нашего театра. Зритель благодарен актерам за их труд, независимо от того, понравился или не понравился спектакль. Актер ведь тоже благодарит зрителя поклоном со сцены. Кстати, поклонницы вас не одолевают?

— Нет. Хотя я слышу иногда какие-то разговоры в театре, что вот очень понравился чьей-то знакомой — «она бы хотела с вами познакомиться. А где вы встречаете Новый год?»... Цветы на сцене тоже дарят, но за кулисами пока не одолевают.

— Сплюньте.

— Хорошо, и по дереву постучу. Хотя, конечно, всегда приятно, когда кто-то тобой интересуется, когда о тебе спрашивают... Это, наверное, входит в нашу профессию.

— Вы человек влюбчивый?

— Смотря что иметь в виду — есть влюбленность в женщину, в природу, в работу, в роль, может быть...

— Ну, если для вас существуют такие градации, давайте по порядку.

— Если говорить о влюбленности в женщин. Нет, определенно, я не влюбчив. Природу очень люблю. Рыбалку, на лодке кататься, по лесу бродить — грибы собирать. У нас, в Северодвинске, осень невероятно красивая. Такое разноцветье, такие краски!.. Вода в озерах чистейшая. И все это очень близко от города. А здесь нет. Ну, это город промышленный, тут своя специфика...

А если о работе, то о влюбленности в нее даже и говорить, по-моему, не приходится. Потому что в театре, действительно, могут работать только фанатики. Когда нет работы, мы начинаем гудеть, зудеть, нам почему-то плохо — нужны роли, нужно, чтобы мы не вылезали из театра. Хотя когда целыми днями находишься там, тоже ворчишь, что даже пообедать не дают. Но хуже всего, когда работы нет, потому что начинают терзать мысли, что вот, режиссер тебя не заметил, и что, как будет роль, надо постараться всего себя ей отдать. Поэтому влюблен не только в театр, но и в зрителя. Пусть в зале сидит только десяток человек, но зато эти люди нас обязательно поймут и примут...

— Цветы и аплодисменты — это аверс «медали», реверс выглядит менее привлекательно — остаточный принцип финансирования нашей культуры. Но есть еще и ребро — жизнь скитальца. У кого-то в биографии список театров длиннее, у кого-то короче, но у каждого актера он есть. Не тяжелы пути-дороги?

— Для меня Магнитогорский драмтеатр пока второе место работы. В Мурманске у меня был знакомый, в списке которого значилось одиннадцать театров. Это уже похоже на «коллекционирование» какое-то. Хотя причин, по которым приходится покидать труппу, очень много. Я, например, из Мурманска уехал с сожалением, потому что это был мой первый театр. А первое всегда запоминается надолго. Но там мы вдруг, однажды, оказались артистами «погорелого театра» — прямо во время спектакля загорелась сцена и, пока ее пытались затушить, она почти полностью выгорела. После этого год театр работал с перебоями. Мы выезжали со спектаклями на военные базы, на Новую Землю, в какие-то закрытые зоны... Это очень тяжело. В самом театре постоянно держался запах гари вперемежку с запахом ремонта... В общем, пришлось думать о новом месте работы.

— Вам предлагали, кроме Магнитки, Пензу и Смоленск. Почему все-таки «перевесил» Магнитогорск?

— Когда в Москве на актерской бирже ко мне подошел Валера Геращенко и, спросив, умею ли я петь и танцевать, предложил театр Валерия Ахадова, я удивился. Мне было не очень понятно, каким образом кинорежиссер мог быть еще и главным режиссером драматического театра. Тут же, на бирже, всегда есть знакомые — я навел справки: что за город Магнитогорск? что за театр Ахадова? Мне сказали: «Не пожалеешь, езжай.» Спрашиваю: «Точно?» Мне ответили: «Ну, не понравится — беда какая, уедешь.» Геращенко предложил встретиться с Ахадовым. На этой встрече было очень много народу. Мы поговорили, попили чаю и, как оказалось позже, из всей этой компании собирать вещи, чтобы ехать в Магнитку, предложили только мне.

Я не знаю, навсегда ли приехал в этот город или придется когда-нибудь опять сменить театр — судьбы актерские неисповедимы...

— Володя, у меня складывается впечатление, что вы «театральный счастливчик»: с первого захода поступили в училище, потом, потеряв работу, довольно быстро нашли новую, причем из «толпы» выбрали вас одного. Даже вот бороду разрешили в течение театрального сезона носить... У вас нет ощущения, что за вами постоянно следует некий ангел-хранитель?

— Да, вы правы. По-видимому, он есть. Я в это все больше и больше начинаю верить. В 87-м году мой педагог Вячеслав Сергеевич Шалимов сказал: «Володя, твой расцвет наступит через восемь лет.» Для меня тогда было как-то совершенно не понятно, где же я все эти годы буду пребывать. Но потом, слава Богу, ни в Мурманске, ни здесь я без ролей не сидел и не сижу. И еще, я все-таки надеюсь, что что-то впереди ждет — какие-то работы, на которые можно будет опереться и почувствовать, что я расту. Мне говорят: «Хватит играть "детей", пора переходить на "взрослые" роли.» И дают роль Тригорина в «Чайке», хотя я им пока себя не ощущаю. Здесь у меня, по-моему, какие-то метания, какой-то разлад в душе. Я вообще человек сомневающийся, когда это касается работы. Поэтому, я думаю, истинно моя роль еще впереди. Может, это ощущение есть еще потому, что мы сейчас в театре прошли несколько самых трудных ступеней и у нас, наконец, начала складываться та благоприятная обстановка, когда можно говорить о репертуаре, о гастролях, о стабилизации в работе... У нас прекрасный директор, о котором просто не услышишь плохого слова. Он, действительно, для нас очень много делает. От этого и появляется ощущение уверенности. Наверное, я вправду очень счастливый человек, потому что чувствую, что я здесь нужен.

Беседу вела В. ЗАСПИЧ.